

Л. Г. Гулиева

К ИЗУЧЕНИЮ ТОПОНИМИИ КУБАНИ

Изучение географических названий — топонимов — представляет большой интерес, поскольку, как отмечал А. Х. Востоков, — «они нередко многими тысячами лет переживают существование того народа, от коего первоначально изречены были. Например: сколь многие земли и города удержали еще и поныне, с небольшими только отменами, имена, данные им египтянами, финикиями и греками: между тем как они переменили уже двадцать раз и вид свой и место, и служили попеременно жительством двадцати разным племенам»¹.

В географических названиях, как новых, так и старых, могут отражаться различные явления, связанные с историей проживающего на данной территории народа, его языком, бытом, хозяйственной жизнью. Именно поэтому географические названия привлекаются при изучении вопросов истории и этнографии того или иного народа.

Следует отметить топонимические работы А. П. Дульзона², В. А. Никонова³, Б. А. Серебренникова⁴, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева⁵, в которых вопросы расселения народов на той или иной территории решаются по материалам топонимии.

Топонимия Кубани несомненно представляет большой интерес. Она весьма сложна и при этом очень мало изучена.

Топонимия, особенно гидронимия, Кубани различна по времени возникновения, а в языковом отношении неоднородна, как неоднородно и население, заселявшее и заселяющее ныне данную территорию. В топонимии Кубани при наличии некоторых субстратных элементов четко выделяются три пласта: кавказский (адыгейский), тюркский и восточнославянский (украинский и русский). Как известно, адыги — аборигены Кубани, поэтому адыгейские географические названия составляют здесь древний топонимический пласт. Тюркские и, в особенности, восточнославянские топонимы относятся к более позднему времени.

Появление на Кубани топонимов восточнославянского происхождения тесно связано с русской колонизацией этого края в конце XVIII в., с переселением сюда русских и украинцев⁶. Однако первое упоминание о славянах на данной территории относится к более раннему периоду. Русские летописи упоминают об основании Святославом в X в. на Таманском полуострове Тмутараканского княжества со столицей Тмутаракань на месте древней Фанагории. Около 966 г. войско Святослава, разбив хазар и разрушив их столицу, двинулось на Северный Кавказ, где завоевало ясов и касогов, осетин и черкесов. Здесь было основано русское Тмутараканское княжество⁷.

Ко времени пребывания на Тамани русских князей некоторые исследователи относят название горы *Бориса* и *Глеба* на северо-западной стороне Ахтанизовского лимана (Таманский полуостров). О дальнейшей судьбе Тмутараканского княжества в летописях не упоминается. После поражения русских во главе с Игорем Святославичем на р. Каяле, они утратили влияние на Таманском полуострове. Половцы, а затем татары, монголы, ногайцы и другие несколько веков господствовали на Кубани.

¹ А. Востоков, Задача любителям этимологии, «Санкт-Петербургский вестник», 1812, ч. 1, стр. 205—206.

² А. П. Дульзон, Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики, «Ученые записки Томского государственного педагогического института», 1960, т. 6; его же, Кетские топонимы Западной Сибири, «Ученые записки Томского государственного педагогического института», 1959, т. 18, и др.

³ В. А. Никонов, История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии, сб. «Историческая география», М., 1960.

⁴ Б. А. Серебренников, Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР, «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

⁵ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

⁶ Подробно о заселении Кубани см.: «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», гл. 1 — «История заселения Кубани и современный этнический состав населения», М., 1967, стр. 17—36.

⁷ «Очерки истории СССР», ч. 1 — IX—XIII вв. М., 1953, стр. 87—88.

Известно, что первые шаги проникновения России на Северный Кавказ относятся ко времени царствования Ивана IV, к 1551—1558 гг.⁸

В XVI в. в Предкавказье появились вольные казачьи городки, население которых составляли беглые крестьяне и холопы из центральных русских областей. С началом XVIII в. связаны сохранившиеся названия трех городков в низовьях Кубани: *Голубинский*, *Блудилловский* и *Чирянский*. Городки эти были построены восставшими донскими казаками, которые во главе с атаманом Некрасовым переселились на Кубань в 1708 г., но пробыли здесь недолго⁹. А название крепостей *Павловская* (ныне ст. Кавказская), *Александровская* (г. Усть-Лабинск), *Марьянская* (ниже г. Краснодара), *Благовещенская* (ныне г. Славянск-на-Кубани) связаны с пребыванием на Кубани А. В. Суворова во второй половине XVIII в.¹⁰

Планомерное заселение Кубани началось в конце XVIII в., когда для укрепления южных границ России на Кубань были переселены казаки Черноморского войска, бывшие запорожцы, и донские казаки. В последующий период население Кубани постоянно пополнялось как выходцами с Украины (Харьковской, Полтавской, Черниговской губерний), так и из различных губерний России (Тульской, Воронежской, Курской и др.). Интересно, что территории, занимаемые переселенцами, получали названия, часто совпадающие с наименованиями их прежних мест жительства, например названия первых по времени возникновения сорока куреней¹¹: *Корсинский*, *Мышастовский*, *Куцовский*, *Батурицкий*, *Екатериновский*, *Кисляковский*, *Ивановский*, *Тимашовский*, *Полтавский*, *Пластуновский*, *Брюховецкий*, *Канеловский*, *Сергиевский*, *Динской*, *Крыловский*, *Каневский*, *Поповический*, *Васюринский*, *Незамаевский*, *Ирклиевский*, *Щербиновский*, *Шкурицкий*, *Кореновский*, *Роговский*, *Калиболотский*, *Уманский*, *Дервянковский*, *Нижестеблевский*, *Вышестеблевский*, *Джерелиевский*, *Переясловский*, *Минский*, *Титаровский*, *Леушковский*, *Величковский*, *Дядьковский*, *Медведовский*, *Плотнировский*, *Паиковский*, *Березанский*. Историк края П. П. Короленко пишет, что «тридцать восемь куреней были тех же самых названий, какие существовали в Запорожском войске, а два добавлены вновь, первый *Екатериновский* — в честь императрицы Екатерины, а последний *Березанский* — в воспоминание взятия черноморцами турецкой крепости Березани»¹². В последующий период число поселений (станци, хуторов) увеличивается.

Уже первые восточнославянские топонимы — названия станиц, хуторов и др., возникшие в связи с колонизацией Кубани, позволяют выявить те признаки, которые формировали топонимическую систему данной территории. В основу наименований станиц, например, легли в одних случаях названия полков, строивших их, в других — укреплений, редутов, в третьих — урочищ, рек и т. д. Так, например, на месте нынешней станицы *Кавказской* был редут *Кавказский*, построенный *Кавказским* егерским полком, станица *Прочноокопская* получила свое название от крепости *Прочный окоп*, хутор *Романовский* был назван по посту *Романовскому*, и др.

Свои названия станицы *Севастопольская*, *Смоленская*, *Саратовская*, *Тифлисская*, *Ставропольская* и др. получили по названию не соответствующих городов, как сейчас представляется, а полков, строивших эти станицы, и затем и обосновавшихся в них (полки назывались по городам). Таким образом, связь названий станиц и соответствующих городов опосредована.

Станицы, а большей частью хутора получали свои названия по имени или прозвищу основателей их. Так, хутор *Лосев* основан казаком Дмитрием Федоровичем Лосевым в 1795 г. (ныне х. *Лосево* Кавказского р-на). Аналогично происхождение названий х. *Клюева*, ст. *Андрюки* и др.

Стремясь сохранить память о своих родных местах, переселенцы называли не только целые станицы, но и части поселения прежними именами. Одна из частей станицы *Надежной* называется *Полтавой*, центральная часть станицы *Отважной*, заселенная в год ее основания выходцами с Дона, называется *Доном*, *Донцом* и др.¹³

⁸ Ф. Навозова, Краснодарский край, Краснодар, 1955, стр. 10.

⁹ Там же, стр. 11.

¹⁰ Там же, стр. 12.

¹¹ Первоначальные названия *курень*, *куренное поселение* указывали на связь новых поселений Кубани со старыми поселениями казаков в Запорожской Сечи. Однако вскоре в официальных документах вместо слова *курень* начинают употребляться *станция*, а *курень* и ныне бытует в разговорном языке, изменив свое значение: сейчас *курень* — это шалаш или землянка в поле, на кошу. См.: Е. Ф. Тарасенкова К вопросу о построении областного словаря русских говоров Краснодарского края. «Труды Краснодарского педагогического ин-та», вып. XXXI, Краснодар, 1963, стр. 62.

¹² П. П. Короленко, Черноморцы на Кубани, «Памятная книжка Кубанской области на 1876 год», Екатеринодар, 1876, стр. 129.

¹³ См.: М. Н. Шабалин, Русские говоры на юго-востоке Кубани (К вопросу о взаимодействии близкородственных языков), канд. дисс., М., 1952, стр. 6—7.

И. Бентковский в работе «Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта» приводит донесение графа Евдокимова главнокомандующему, в котором говорится, что новым станицам первоначально давались названия «по местным урочищам»¹⁴. Например: ст. *Псеменская* — при устье р. *Псемен*, притока р. *Лабы*, ст. *Айрюмская* — на р. *Айрюм*, притоке р. *Фарс*, ст. *Ирисская* — ниже ущелья *Ирис* и т. д.

В названиях станиц Предгорной полосы, в междуречье *Лабы* и *Урупа*, отразились особенности военной жизни, связанной с тем, что эти станицы находились близко от воинственно настроенных горских черкесских племен, например: ст. *Отважная*, *Надежная*, *Упорная*, *Бесстрашная*, *Сторожевая*, *Удобная*, *Передовая*, *Спокойная*, *Исправная* и др. Так, станица *Надежная* была окружена с одной стороны окопами, которые представляли надежную оборону от неприятеля. Этот признак и лег в основу названия. Станица *Удобная* по словам старожилов представляла очень удобную позицию по естественно-географическим условиям.

Именами предводителей казачества, атаманов, назван ряд населенных мест, например ст. *Чепегинская* носит фамилию атамана *Захара Алексеевича Чепеги*, и др.

Как видно, в названиях новых поселений на Кубани сохраняется определенная традиция: новые названия на Кубани возникают по моделям, существовавшим в родном говоре переселенцев.

Местные названия, бытовавшие до поселения русских и украинцев, адаптировались. Адаптация их выражалась в том, что чаще всего иноязычное название оформлялось с помощью русских словообразовательных формантов. Например, р. *Убин* — р. *Убинка*, р. *Псемен* — р. *Псеменка*, р. *Уль* — р. *Улька*, лиманы *Бейсугский*, *Ахтанизовский* и т. д.¹⁵ Все адаптированные иноязычные топонимы входят в состав восточнославянской топонимии Кубани и образуют в ней определенный слой.

В некоторых топонимах отразился этнический состав населения данной территории, что иногда помогает определить местное древнее население, его миграции. Однако В. А. Никонов предостерегает от некритичного подхода к таким топонимам: «Для этноисторической географии, — пишет он, — чаще всего некритично привлекают топонимы, в основе которых слышат этноним. На этом строят выводы о бывлом расселении народа, чье имя совпадает с основой топонима. Нередко эта мнимо этнонимическая основа оказывается лишь случайным совпадением»¹⁶.

В названиях некоторых рек и станиц Кубани действительно звучат этнонимы. Например, названия рек *Абазинка*, *Абхазка*, *Грузинка*, станиц *Абадзехская*, *Татарская*, *Темиргоевская*, *Бжедуховская*, с. *Молдаванка* и др. Некоторые из этих народов и в настоящее время населяют Кавказ и Кубань, и происхождение перечисленных географических названий от этнонимов представляется возможным.

Однако, как правильно отмечает В. А. Никонов, «в гуще сплошных поселений одной народности не могут возникнуть топонимы, в основе которых лежит этноним, если только их не дадут со стороны. Такие названия естественны только там, где этноним служит различительным признаком. Поэтому топонимы с этнонимной основой отмечают обычно не зону чистого этноса, а наоборот, пограничную полосу этнической чересполосицы. Этот топонимический парадокс — частный случай закона относительной негативности...»¹⁷.

В Закубанье есть, например, гидроним *Русская*. Известно, что в Закубанье в конце XVIII в. преобладало нерусское население. Появление гидронима *Русская* в иноязычной среде подтверждает наблюдение В. А. Никонова.

Еще А. И. Соболевский писал о топонимах, которые «вполне или почти вполне тождественны по звукам с названиями племен..., как Чудь (Владимирская губ.), Вель (Санкт-Петербургская губ.) ... подобные названия были даны поселениям не их основателями, а русскими соседями»¹⁸.

Таким образом, гидроним *Русская* не мог возникнуть в сплошной русской среде и не мог быть дан русским населением.

Другой пример. Село получило название *Молдаванское*, так как здесь вначале поселилось несколько десятков молдаванских семей. Это название могло быть дано русскими или другими (не молдаванами), так как в селе жили люди «более или менее отличные в этнографическом отношении от окрестного или славянского населения»¹⁹.

¹⁴ И. Бентковский, Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта, «Кубанский сборник», т. 1, Екатеринодар, 1883, стр. 12.

¹⁵ Отмечены и другие, более частные, случаи адаптации иноязычных топонимов, на которых мы не останавливаемся.

¹⁶ В. А. Никонов, Топонимика в историко-географической этнографии, М., 1964, стр. 1—2.

¹⁷ Там же, стр. 3.

¹⁸ А. И. Соболевский, Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии, «Живая старина», вып. 4, СПб., 1883, стр. 437.

¹⁹ Там же.

Ряд топонимов Кубани связывают с определенными историческими событиями края, например названия речек *Первая Речка Кочеты*, *Вторая Речка Кочеты*, *Третья Речка Кочеты*, а также хуторов *Первая Речка Кочеты*, *Вторая Речка Кочеты* и *Третья Речка Кочеты* — с пребыванием на Кубани Суворова. Так, Г. Чучмай пишет: «В верховьях реки *Кочеты* долгое время находился главный суворовский лагерь. С вечера перед наступлением главнокомандующий Суворов отдавал своему войску приказ: по первым петухам (кочетам) вставать, по вторым — завтракать, а по третьим — выступать. С тех пор и стали говорить: пошли от «Кочетов» или: вернулись за провиантом на «Кочеты». Отсюда и речка, а потом и хутора получили название Кочетов»²⁰.

Факт пребывания А. В. Суворова на Кубани и его стоянка в верховьях этих речек не оспаривается. Однако представляется сомнительным такое толкование названия реки *Кочеты* (тем более, что в местном говоре Ново-Титаровского, Динского районов, где протекают эти реки, население в значении «петух» употребляет чаще слово *пивень*, а не *кочет*). В топонимии нередки случаи переосмысления. Непонятное с точки зрения какого-то, например русского, языка географическое название переосмысливается в понятное, т. е. «чуждым звукам придается такая форма, в которой бы они представляли уму какой-нибудь смысл, хотя бы и ни на чем не основанный»²¹.

Название *Кочеты* восходит к тюркскому и, возможно, является переосмыслением ногайского *кош* (*коч*) — «кочевье, лагерь, становище, место жительства кочевых народов»²² плюс формант — *ты* — «аффикс обладания, наличия признака атрибутивно-определяющих существительных»²³, характерный для кыпчакской группы тюркских языков, к которому относится и ногайский язык.

В пользу тюркского происхождения гидронима *Кочеты* говорят сохранившиеся варианты названия — *Кошты*, *Кочты*, а также такой немаловажный факт, как ударение на последнем слоге (*Кочеты́*, а в русском было бы *кочеты́*). Кстати, формант-*ты* весьма распространен в тюркской топонимии Кавказа²⁴, а также Средней Азии и Казахстана.

Переосмыслением являются и гидроним *Кукса* из тюркского *Коксу* («синяя вода, река»), и гидроним *Барсуки* и др. Правда, некоторые исследователи пытаются объяснить возникновение последнего тем, что в реке водились в изобилии барсуки. Однако, в действительности гидроним *Барсуки* — переосмысление тюркского названия *Барсууклы*. Превращение гидронимов *Кочерген* в *Кочергу*, а *Сунс* в *Сун* также является ярким примером переосмысления.

Как видно из примеров в процессе переосмысления часто теряется связь географического названия с его прежним значением и даже с языком, на котором он первоначально возник.

²⁰ Г. Чучмай, Суворов на Кубани, «Кубань», 1963, № 3, стр. 43.

²¹ Я. К. Грот, Заметка о топографических названиях вообще, «Журнал Мин. нар. просв.», ч. 136, отд. 2, ноябрь, СПб., 1867, стр. 622.

²² См. Э. и В. Мурзаевы, Словарь местных географических терминов, М., 1959, стр. 118; «Ногайско-русский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова, М., 1963.

²³ Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, ч. II, М., 1962.

²⁴ Д. Д. Пагирев, Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, кн. 30, Тифлис, 1913.